

Наталья Мозилова

*Рождественская
история*

и другие философские сказки

Наталья Мозилова

**Рождественская история.
И другие философские сказки**

«Издательские решения»

Мозилова Н.

Рождественская история. И другие философские сказки /
Н. Мозилова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-835580-6

Два чёрта желают выслужиться перед своим начальством и ради этого ссорят добрых супругов, устраивают метель, губят священника. И всё это под Рождество, когда душа человека ждёт волшебства. Истории о многогранности добра и зла. Обращены к широкому кругу читателей.

ISBN 978-5-44-835580-6

© Мозилова Н.
© Издательские решения

Содержание

Рождественская история	6
Конец ознакомительного фрагмента.	11

**Рождественская история
И другие философские сказки
Наталья Мозилова**

© Наталья Мозилова, 2016

ISBN 978-5-4483-5580-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Рождественская история

1.

Зима стояла морозная, да снежная. Избы трещали брёвнами, дорога скрипела под валенком, и радуга поднималась вокруг солнца, знаменуя продолжение холодов.

– Говорю я тебе, дуре, не вноси разлад в семью! – отчитывал отец Георгий Настасью на исповеди. – Бог терпел, и нам велел.

– Так ведь он гуляет от меня! – не унималась Настасья. – Как прощать-то? Ладно бы тихо гулял, я бы ещё подумала. Вся деревня знает. Вся деревня, отец Георгий!

Священник нахмурил брови. Минутку помолчал, а потом продолжил своё нравоученье.

– Ты для виду с ним поругайся, помолчи недельку, чтоб от людей не стыдно. А там непременно прощай. Негоже мужа из семьи гнать. Кто самые преданные? – спросил священник Настасью. Женщина молчала и хлопала округлившимися глазами. Не дождавшись ответа, отец Георгий продолжал. – Правильно, грешники, что раскаялись. Иисус больше таких любил. Вспомни Марию Магдалену...

– Ладно, я всё поняла, святой отец.

– Что поняла? – спросил священник, не замечая на лице прихожанки следов раскаяния.

– Не буду насовсем выгонять. А сейчас пора мне, хозяйство управлять надо. – Настасья накинула на голову с плеч пуховый платок, священник перекрестил её, дал поцеловать крест, и пошёл исповедовать старушек, засидевшихся в тёмном углу храма.

Настасья вышла на улицу. Потоком ледяного воздуха, проникшего в дверную щель, покачнуло пламя свечей и обручи люстр. Одни только образа непоколебимо созерцали сквозь церковную утварь и немногочисленных посетителей что-то впереди себя.

2.

Пышная пена возвысилась над краями крынки. Настасья ловко перекинула подойник к другому сосуду.

– Мам, а где папка? – спросила кудрявая голова, возникшая над столом.

Настасья вздрогнула, молоко потекло по краям крынки.

– Сколько тебе можно повторять, не говори под руку!

– Ма, где папка? – не унималась голова уже на безопасном расстоянии, прикрывая ладонью краснеющее от затрешины место.

– Никуда не денется твой папка. К бабке ушёл, снег расчищать.

Тут же в кухне появились трое старших детей.

– Он и вчера расчищал!

– И два дня назад!

– Эх, вы, пострелята! Видали какая погода стоит? Вот, расчистит, и завтра вернётся, – дети недоверчиво посмотрели на мать, но без слова ушли в горницу. Настасья села к столу, закрыв лицо руками. Тусклая лампа кряхтела и смолила, разливая неровный свет.

– Мам, не надо. Он вернётся, – всхлипывал неизвестно как появившийся рядом младший сын. Он обнял мать и положил кудрявую голову ей на колени.

– Вернётся, вернётся. Конечно, вернётся, – повторяла женщина, не отнимая рук.

3.

К утру снег перестал. Настасья взяла лопату и вышла расчищать дорожки. Спать она в последнее время почти не спала. Работа отвлекала от тяжёлых мыслей, поэтому была в радость.

– Господи, что ты тут делаешь?! – воскликнула Настасья, раскидав снег до калитки и увидев сидящего в стогу супруга.

– Вот, думаю, как домой придти.

- Надумал?
- Нет.
- Нагулялся?
- Нагулялся.

Возникло тяжёлое молчание. Женщине хотелось столько всего сказать, столько всего она придумала за эту неделю, только сейчас слова путались и не шли в голову. Муж вылез из сена и подошёл к Настасье.

– Не приближайся! – угрожающе сказала она, и для убедительности стукнула лопатой по земле, – мужчина растеряно остановился.

– Прости меня.

И снова зазвенела морозная тишина. Было слышно петухов в том конце села и мычание коров. Медленно рассеивались утренние сумерки.

– Холодно. Иди в избу, и на глаза мне не попадайся.

Мужчина с нескрываемой радостью заковылял домой. Настасья, с минуту постояла, не оборачиваясь. Потом улыбнулась и, дочистив тропу до колодца, ушла на утреннюю дойку.

4.

– Вот как бы ты это всё назвал?! Это просто крах! Это просто ужас! Я с лета старался, вносил разлад, столько сил положил, а тут какой-то поп всё разрушил! – кричал и топал ногами зелёный от злости чёрт.

– Не расстраивайся, Анчутка! – утешал его чертёнок. – Не всё ещё потеряно. Они же ещё не помирились!

– Не помирились, но обязательно помирятся. Если она впустила его в дом, значит, шансов их разлучить, теперь нет. Сколько я этого мужика с этой вдовой сводил! Сколько выжидал, чтобы его баба в город уехала! Сколько я им нашёптывал и мороку наводил, чтобы их любовь расстроить! Эх...

– Лапы мёрзнут.

– Что?

– Лапы мёрзнут. Полезли под крышу. Надоело мне это всё. Что это, последние мужик и баба на Земле что ли? Ещё будет у тебя возможность кровь христианскую попортить.

– Не последние. Да, только с этим попом – я три года никого здесь разлучить не могу. Всё он в мои дела вмешивается. Надо от него избавиться.

– Это ты напрасно! Не было такого повеления.

– Хошь, как хошь, а я решение принял. Иди, грей свои лапы.

– И пойду!

Чертёнок пропал. Взрослый чёрт перевернулся через спину и, став чёрной кошкой, побежал в сторону церкви.

5.

– Кыся, кыся! Ух, какая мохномордая! – подозвал к себе отец Георгий заиндевевшую кошку. – Сил нет, как хороша!

– Мяу! – жалобно ответил чёрт.

– Что же ты мёрзнешь здесь? Жрать хочешь?

– Мяууу! – ещё жалобнее закричал чёрт.

– Ну, что с тобой делать, пойдём ко мне. В церкви-то всё равно ничего путного тебя покормить нет.

Священник закрыл церковь на замок. Надел рукавицы, и, взяв кошку на руки, пошёл в свою избу. Стояла она на пригорке с окраины деревни. Было видно оттуда и петлю реки, и заливные луга, и сосновый бор. Всё сейчас белое стояло, ото всего веяло зимой и холодом.

В доме после улицы тепло. Иконы окладами поблёскивают в сумерках, сверчок поёт, пахнет воском, да ладаном.

– Вот так, на тебе кыся, молока. Вы же животные без души, так и молока не грех выпить. А я сам скоромного. Рождество завтра!

Чёрт в шкуре кошки всё выпил, начал тереться священнику о валенки. Отец Георгий ест свою картошку без масла, радуется. Тут кошка прыг на шкаф за шторку. А за шторкой у отца Георгия самогон стоит. С лета с венчания остался. Трётся кошка о бутылку, мурлычет, а на самом деле не мяукает, а священника уговаривает: «Отдохни, выпей, устал ты батюшка! И закуска у тебя в сенях припрятана, и самогон вон какой замечательный! И не грех это вовсе, коли не увидит никто!»

И глаз у отца Георгия загорелся. Был он страсть как падох до самогона, но силы воли обычно хватало не запить. А тут устал, как собака. Холодно – согреться хочется. Поговорить по душам не с кем. И уговорил чертяга выпить рюмочку, да закусить припрятанной колбасой. Потом ещё одну, и ещё. Не заметил отец Георгий, как всю бутылку и осушил. Сидит в своей избе, похабные песни поёт, свечи во всём доме зажгёт. Потом плакать принялся, Божьей милости просить: приход побогаче, да жену покрасивей. А как разглядел дно бутылки, надел тулупчик и пошёл в деревню. В церкви у него «крови Господней» – сколько хочешь. Три бутылки к празднику привезли.

Только погода перед Рождеством изменилась. Поднялась такая вьюга, что за пару часов занесло все тропинки-дорожки. Белая стена стоит – ни изб, ни огней от них не видать. Сначала шёл святой отец в нужном направлении, потом оступился, сел в сугроб, а когда встал, внутреннее чутьё ему изменило. Ушёл батюшка за деревню, не одной избы так и не увидев. Слышит, собаки где-то рядом лают, кружится вокруг домов, а войти в деревню не может. Когда же дошёл священник до колодца, хмель нагнал его. Прижался батюшка к срубам передохнуть, да так и уснул здесь.

А чёрт в виде кошки всё время рядом бежал, ноги священнику путал, снег в лицо кидал, чтобы воплотить свой коварный замысел. Как дождался сна отца Георгия, принял привычное обличье, и давай прыгать, да плясать перед колодцем: «Вот так-то, поп! Будешь знать, как вмешиваться в дела наши чертенячи! Будешь знать, как людей на праведный путь наставлять!»

Дождлся чёрт, когда снег с головой засыпал священника, чихнул и растворился в воздухе. До Рождества остался один день, а сколько гадостей и непотребств ещё предстояло сделать!

6.

Метель прекратилась так же внезапно, как и началась. Теперь ветер гулял в подстрехах крыш, шелестел соломой, поднимал снег. Начинался новый день, хотя это было почти незаметно – рассветные полосы еле брезжили сквозь снежную пелену. Запели первые петухи. Следом залаяли разбуженные собаки, заскрипели несмазанные двери в избах, загорелись свечи и керосиновые лампы на замороженных окнах. Потом замычали коровы и зашаркали лопаты, сгребая снег с заметённых троп. Одного звука не хватало – колокольного звона, созывающего всех к утренней службе. И в тот час, когда чёрт сидел на коньке самой большой избы в деревне, по-хозяйски смотрел по сторонам, на крыше появился чертёнок.

– Вот ты где, Анчутка! Я тебя обыскался.

– А что меня искать? Вот он я, – даже не взглянув на чертёнка ответил чёрт.

– САМ тебя вызывает. НЕМЕДЛЕННО, – сообщил чертёнок, переходя на шёпот.

– САМ? Хм. Может наградить хочет? – чёрт щёлкнул хвостом и исчез. Маленький чертёнок повалился навзничь на крыше. Пот катился градом по его усталой мохнатой рожице.

7.

– Не много ли ты на себя берёшь, Анчутка!? – розно рычала пасть САМОГО над ухом чёрта.

– Что я сделал, о, повелитель? – запищал чёрт, упав на колени. – Я не понимаю, о чём вы.

– Он не понимает! – возмутился САМ. – А тебе и не надо понимать. Ты пошто попа извёл? Тебе был от меня приказ? – снова зарычала и забрызгала слюной челюсть.

– Нет, мой повелитель. Просто поп стал слишком назойлив. Работать мешает.

– Это твои проблемы. Значит, ты плохо работаешь, если какой-то примитивный поп тебе палки в колёса стал вставлять. Да, знаешь ли ты, тупица, что на место его нового, более праведного пришлют? Он уже семинарию закончил. Год-два и так заматерееет, никакого житья от него нашему брату не будет. Так нам лучше, чтобы он сейчас путь книжника выбрал, а не попа при пастве. Уразумел?!

– Уразумел. Я не знал, не знал, простите меня, – скулил чёрт, распластавшись перед троном САМОГО.

– Значит так: попа ты этого домой возвращаешь целёхонького. Это раз. И два. С завтрашнего дня три года у котла тебе отрабатывать твой проступок. Впредь наука тебе и твоим братьям. Ты не меня своей близорукостью унижил, ты всю систему опасности подверг.

– Хо... ро... шо, хо... ро... шо, – плакал чёрт.

– А теперь – пшёл вон! – САМ стукнул копытом по паркету. В нём образовалась широкая тёмная трещина, в которую затянуло Анчутку. Последнее, что он видел в потустороннем мире – это огненные водопады и серные озёра западнее трона САМОГО.

«Где-то там стоит мой котёл, кипит недовольными людишкам, – подумал чёрт. – Да, и наплевать. Переживу. Ведь мог и шкварок из меня нажарить».

8.

«Что за чёрт?! – выругнулся отец Георгий, протирая глаза. – Как я мог оказаться в церкви? Вроде же домой уходил».

Священник сидел под иконами на длинной скамейке вдоль стены. Через приоткрытую дверь в храм надуло снега, и сейчас он переливался в лучах заходящего солнца.

«Точно бес попутал! Чуть не проспал всё на свете,» – отец Георгий резко вскочил на ноги. Перед глазами поплыли круги. Заныли обмороженные ноги и руки. Священник покачнулся, чуть не упал, но, выстоял, ухватившись за стену. С минуту он приходил в себя, стараясь вспомнить, что же произошло. Не найдя ответа, как оказался в церкви, отец Георгий взбежал по лестнице на колокольню и ударил в пузатые колокола. Окрестности огласил холодный звон. Птицы поднялись с деревьев, упали снежные шапки с ближайших берёз. Слава Богу был удар! Прощиб пот священника, и так легко сделалось голове и телу, что забыл он о боли и своих печалях. Расхохотался. А из дальних и соседних изб к церкви потянулись люди. Удивились они, увидев отца Георгия живым и невредимым. С утра искали – ни дома, ни в церкви найти не могли. Облачился священник в свою праздничную рясу, пригладил бороду, вышел к прихожанам. Тихий шёпот прошёлся по толпе – все взялись обсуждать внешний вид батюшки: и нос обморожен, и уши, и не похож он на прежнего, уж не подмена ли?

– Что шепчетесь?

– Где ты, батюшко, пропадал? Почему утреннюю службу не служил?

– Где был, сказывать не велено.

– Мы ведь думали, помер ты.

– А отец ли Георгий ты? Ну-ка спой!

– Охломоны Господни, – усмехнулся священник. – Не будем нарушать канон. С праздником Вас! С Рождеством! – и пошёл читать молитву. Церковь наполнилась теплом и золотистым огнём свечей.

Отец Георгий так читал и так пел, как никогда раньше. Заворожённые стояли люди. Тут взгляд батюшки упал на Настасью с мужем. Стояли они в дальнем углу под иконой Николая-Чудотворца. «Помирились, – подумал священник. – Не зря живу» – и одобрительно моргнул Настасье.

9.

Собаки лаяли без умолку, скулили и пытались сорваться с цепи. Старики пугали детей, оставшихся дома, что это бродят волки, а сами крестились, боясь иных зверей.

На самом деле столько шума наделали две маленькие фигурки, что стояли в темноте на окраине деревни.

– Анчутка, родной, я буду по тебе скучать! – пищал маленький чертёнок, смахивая с глаз обильные слёзы.

– Ничего, малой, не переживай! Авось быстрее вернусь, – чёрт понурый и растерянный смотрел по сторонам. – Жалко это всё оставлять. Заскучает народ. Как без грехов жить-то?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.